

Я К О В Г О Р Д И Н

КАВКАЗСКАЯ АТЛАНТИДА

300 ЛЕТ ВОЙНЫ

Яков Гордин

**Кавказская Атлантида.
300 лет войны**

«WebKniga»

2014

Гордин Я. А.

Кавказская Атлантида. 300 лет войны / Я. А. Гордин —
«WebKniga», 2014

Российско-кавказская драма – одна из самых ярких и горьких в нашей истории. Тяжелая война, истоки которой уходят во времена Персидского похода Петра I (1722 год), длившаяся шестьдесят лет в XIX веке и мощной подземной рекой вышедшая на поверхность в конце века XX, во многом определила судьбу России. Активный участник и историк завоевания Кавказа генерал Ростислав Фадеев писал в 1860 году: «Наше общество в массе не сознавало даже цели, для которой государство так настойчиво, с такими жертвованиями добивалось покорения гор». Вряд ли ситуация принципиально изменилась и сегодня. О явных и подспудных причинах самой длительной в русской истории войны, не окончившейся и по сию пору, о парадоксальных взаимоотношениях «русских кавказцев», людей особой породы, и кавказских горцев, тоже по своему уникальных людей, порожденных этой войной и вовлеченных в общую трагедию, рассказывает эта книга. Мифологическая Атлантида исчезла бесследно. Резкие контуры Кавказской Атлантиды – загадочного материка Кавказской цивилизации и Кавказской войны – еще просматриваются нами. Нужно лишь напрячь интеллектуальное зрение, и мы многое увидим и осознаем. Второе издание книги дополнено обширным списком литературы о кавказских войнах, статьей «Войны, офицеры, история» и несколькими десятками иллюстраций.

© Гордин Я. А., 2014

© WebKniga, 2014

Содержание

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ	5
ЧТО УВЛЕКЛО РОССИЮ НА КАВКАЗ?	11
ПРОЛОГ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Яков Гордин

КАВКАЗСКАЯ

АТЛАНТИДА. 300 лет войны

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

Россия вступила в двадцать первый век и третье тысячелетие, унося с собой опасно тлеющую Кавказскую проблему – трагический конфликт с трехсотлетней историей, считая от похода Петра I на Каспий в 1722 году.

Западный мир вступает в двадцать первый век и третье тысячелетие, влача за собой более чем тысячелетнюю историю противоборства с агрессивным исламом. Причем со второй половины прошлого столетия мы имеем дело с исламским реваншем, и никакая политкорректность не должна нам мешать трезво сознавать это.

С тех пор, как в середине VII века недавно обратившиеся в ислам, исполненные молодой энергии арабы начали наступление на форпост западного мира – Византию, этот натиск не ослабевал до XVIII века.

В начале VIII века арабы завоевали Испанию и двинулись на Францию – под угрозой оказалась вся христианская Европа. И когда в 732 году Карл Мартелл при Пуатье остановил завоевателей, то это была лишь передышка.

Яростная попытка контрнаступления – два века крестовых походов – успеха не принесла. Боевую эстафету приняли турки-османы, разгромившие Византию, захватившие Балканы, в конце XVII века доходившие до Вены, которую спас польский король Ян Собеский...

За прошедшее тысячелетие исламский мир сделал колоссальные успехи во всех областях культуры, в средние века значительно опережая Европу. В этом мире шла бурная духовная жизнь. Турецкая и Персидская империи охватили гигантские пространства, контролировали важнейшие морские пути. (Оставим в стороне державу Тимура и Золотую Орду).

С XVIII века началось обратное движение. Австрия, Венеция, Польша далеко раздвинули свои границы за счет Турции. Россия раз за разом громила турецкие армии. Попытка султана Махмуда II, расстрелявшего в 1826 году из пушек янычарские полки – оплот фундаментализма, – начать европеизацию успеха не принесла. Турция под напором России и внутренних неурядиц стремительно превращалась из сверхдержавы в третьестепенное государство. С Персией это произошло еще раньше. И та, и другая великие некогда исламские державы стали пешками в общеевропейской игре, в частности – в сложных интригах Англии и Франции против России, стремившейся утвердиться в Азии.

В первой четверти XIX века из всех европейских пограничий ислам был подкреплён мощным боевым духом только на Кавказе. Не в последнюю очередь потому, что там ислам был сравнительно молод, а в Чечне очень молод. Среднеазиатские ханства, дряхлые деспотические образования, в военном отношении не шли ни в какое сравнение с вольными горскими обществами Кавказа.

Но роковое соревнование Европы и исламского мира было соревнованием отнюдь не только военно-техническим. Это было и соревнованием духовных энергий. И в новое время Европа стала побеждать прежде всего именно в этом соревновании.

«Дряхлый Восток» – скажет Лермонтов в программном стихотворении «Спор». А Ростислав Фадеев, один из идеологов завоевания Кавказа, напишет в 1860 году:

«Мусульманство прокатилось по земле огненным потоком и теперь еще производит страшные пожары в местах, куда оно проникает вовне, чему примером служит Кавказ. <...> Для России Кавказский перешеек вместе и мост, переброшенный с русского берега в сердце азиатского материка, и стена, которою заставлена Средняя Азия от враждебного влияния, и передовое укрепление, защищающее оба моря: Черное и Каспийское. Занятие этого края было первой государственной необходимостью. Но пока русское племя доросло до подошвы Кавказа, все изменилось в горах.

Выбитый из европейской России, исланизм работал неумоимо три века, чтобы укрепить за собой естественную ограду Азии и мусульманского мира – Кавказский хребет, – и достиг цели. <...> Вместо прежних христианских племен мы встретили в горах самое неистовое воплощение мусульманского фанатизма. Шестьдесят лет длился штурм этой гигантской крепости: вся энергия старинного мусульманства, давно покинувшая расслабленный азиатский мир, сосредоточилась на его пределе, в Кавказских горах. Борьба была неистовая, пожертвования страшные».

Генерал Фадеев как исторический и политический мыслитель – фигура далеко не безусловная. Его ретроспективный взгляд целиком определен конкретными имперскими задачами текущего момента. Но в данном случае его наблюдения во многом соответствуют реальности. В XIX веке непреклонное сопротивление кавказских горцев в смысле историософском (было, разумеется, и еще множество других аспектов) явилось арьергардным боем ислама.

Ислам отступал. Постепенно Англия и Франция колонизировали страны, которые были наследницами великих арабских халифатов и Блистательной Порты, они вместе с Россией распорядились с унижительным высокомерием судьбами Турции и Ирана. Унижение – вот, пожалуй, ключевое слово. Унижение и мощная историческая память о былом величии – опасная смесь. В любой общности находятся радикальные группы, которые преобразуют эту смесь в политическое действие.

Когда я говорю об исламском реванше, я имею в виду именно эти группы, в которых – как некогда в кавказских горах – сосредоточилась энергия униженного и оскорбленного исламского мира. Иногда эта иррациональная, с прагматической точки зрения, энергия охватывает весьма значительные массы людей. Мы наблюдали это в хомейнистском Иране. Когда униженная общность не может отстоять свое историческое достоинство средствами современными, то в ход идет идеализированное прошлое. И тогда происходящее, кажущееся абсурдным для одной стороны, оказывается фундаментально мотивированным для другой. Радикал-исламист живет вовсе не в том психологическом пространстве, что средний европеец, и любые патерналистические популистские посылы только усугубляют ощущение исторической обиды.

Исторический процесс – целен. Можно в параллель физическому закону сохранения энергии вывести исторический закон сохранения энергии.

Потомки сталкиваются с тяжкими последствиями событий, которые стимулировали их отдаленные предки. Такова расовая проблема в США. Такова проблема исламского радикализма. Такова проблема Кавказа для России.

Аятолла Хомейни и бен Ладен отнюдь не просто властолюбивы и тем паче вовсе не безумцы. Они люди принципиально иного мировидения, и потому состязание с ними с позиций европейской логики – бессмысленно.

Путь преодоления нарастающего конфликта миропредставлений, который перетекает в следующее тысячелетие, будет долог и тяжел. И одно из непереносимых условий его преодоления

– трезвая оценка реальности. Как показывает опыт великой Кавказской войны, дефицит этой трезвости неизбежно усугубляет трагичность ситуации.

10 августа 1837 года начальник военно-походной канцелярии командующего Кавказским корпусом отправил своему командующему генералу Розену «секретное отношение»:

«Государь Император по всеподданнейшему докладу отношения Вашего Высокопревосходительства от 22 минувшего июля № 732, о взятии отрядом, под начальством генерал-майора Фези состоящим, укрепленного селения Тилитли, после чего дагестанский изувер Шамиль сдался, приняв присягу на подданство России и выдав аманатов, – Высочайше поручить мне соизволил уведомить Ваше Высокопревосходительство, что Его Величеству благоугодно, дабы сделаны были Шамилю и главным его сообщникам внушения воспользоваться прибытием Его Величества в Закавказский край и испросить милости предстать перед лицом Самого Монарха, дабы лично молить о Всемилостивейшем прощении, и принеся со всей искренностию раскаяние в прежних проступках, изъявить чувство верноподданической преданности».

В свете реальной ситуации, которая сложилась тогда на Кавказе, «секретное отношение» представляется документом анекдотическим, построенным на целой цепи заблуждений. Генерал Розен принял хитроумные маневры Шамиля, попавшего в тяжелое военное положение, за чистосердечное желание стать российским подданным, а Петербург со своим уровнем осведомленности и понимания требовал, чтобы «дагестанский изувер» Шамиль явился пасть в ноги императору Николаю, вымаливая прощение. Шамиль, между тем, активно собирал силы для продолжения войны, каковую он и вел еще – и часто весьма успешно – двадцать два года. Самые тяжкие поражения русской армии на Кавказе были впереди...

В середине 1830-х годов, когда Шамиль стал имамом, а Кавказская война отнюдь не выглядела завершенной, в штабе командующего Кавказским корпусом, а в Петербурге – в военном министерстве – активно разрабатывались планы расширения завоеваний, движения через Среднюю Азию навстречу англичанам, осваивавшим Индию. В том, что Средняя Азия будет рано или поздно завоевана, ни Петербург, ни кавказское командование не сомневались. Ермолов отправлял разведывательные экспедиции с целью рекогносцировки будущего театра военных действий. Активен был и Генеральный Штаб. Талантливый военный, соученик и приятель Пушкина по Лицею Вольховский не один год провел в подобных же экспедициях, что, кстати говоря, спасло его, последовательного члена всех декабристских тайных обществ, от каторги – в 1825 году он был в Азии.

Имперская мысль стремительно обгоняла реальные возможности государства.

В начале 1835 года в Тифлис прибыли два афганца, представившиеся посланцами кабульского правительства, которым поручено вести переговоры о сближении с Россией. Они были приняты со всей серьезностью. Но вскоре стало ясно, что полномочия их сомнительны. Тот же Вольховский, ставший к этому времени начальником штаба Кавказского корпуса, писал находившемуся в отъезде командующему корпусом:

«Авганы, в предупреждение воли Вашей, содержатся так хорошо, как только можно в их положении. Мирза живет у Оленича в загородном доме, при коем приятный сад. Хан переведен из Прибиля дома в квартиру Потоцкого, хорошо устроенную и при коей тоже садик, недостатка они ни в чем не терпят и продовольствуются роскошно; только не могут никуда выходить, ибо сие

было бы общественным соблазном. Коль скоро слухи пошли о их подлоге, то в народе начали их называть разбойниками. <...> Притом, если позволить им ходить по городу, то весьма возможно, чтобы они сделали попытку убежать».

Тем не менее, штаб корпуса извлек из пребывания сомнительных послов, но несомненных афганцев, максимум пользы. Штабс-капитану Стишинскому было поручено подробнейшим образом расспросить их, и на основании этих расспросов с добавлением сведений, почерпнутых из европейской литературы об Афганистане, Стишинский составил подробную «Записку об афганцах», содержащую любопытные пассажи. Самих афганцев «Записка» характеризует так:

«Афганцы, как и все горные жители, крепкого сложения, стройны, имеют выразительные черты лица, мужественный вид и вообще воинственный характер; смелы, склонны к перенесению военных трудов, любят дикую свободу, склонны к хищничеству, привязаны к обычаям и предрассудкам своих предков».

Обстановка в Афганистане описывалась как крайне нестабильная и провоцирующая на внешнее вмешательство. При чтении «Записки» трудно избавиться от ощущения, что она описывает будущее поле действий русской армии.

И это было только начало внимательного профессионального интереса российских военных к Афганистану, который на протяжении XIX века не раз приближался к черте, за которой начиналась прямая экспансия, а в XX веке кончился изнурительной войной...

Российское имперское сознание на протяжении столетий с гибельным упорством воспроизводило одни и те же стереотипы, ложившиеся в основу тактики и стратегии по отношению к Кавказу. Современный исследователь так описывает действия Красной Армии, подавлявшей сопротивление на Кавказе в 1920 году:

«Они же (части Красной Армии. – Я. Г.) перекрыли границу с Грузией, откуда по горным тропам поступали так необходимые повстанцам боеприпасы (оружия в Дагестане всегда хватало). Красная Армия заняла сначала равнинные районы Дагестана и Чечни, а затем стала медленно продвигаться в горы. Боевые действия продолжались вплоть до лета 1921 года, когда оставшиеся формирования повстанцев рассеялись по недоступным горным ущельям и пещерам. Сопротивление тем не менее продолжалось: не прекращались убийства советских работников, коммунистов и милиционеров».

Эта схема, вполне соответствующая сегодняшнему дню, воспроизводит и ситуацию на протяжении XIX века. Беда в том, что центральные власти постоянно шли простейшим путем, делая основную ставку на военное подавление. Попытки как дореволюционной, так и советской власти учитывать народные традиции и опираться на местных лидеров были непоследовательны и противоречивы.

Историк и философ Георгий Федотов писал в 1937 году: «Кавказ никогда не был замирен окончательно». И это было правдой. Но главная опасность состояла в том, что российские власти после периодов обострения настойчиво убеждали себя и мир в обратном. И не утруждали себя поисками реального и прочного выхода из трагического конфликта, существовав-

шего перманентно с разной степенью интенсивности. Компетентное научное издание «Чеченский кризис» в 1995 году сообщало:

«Историки знают, что нынешний конфликт был не единственным “военным решением чеченского вопроса” в XX веке. Первая крупная операция “по усмирению” Чечни была проведена частями Красной Армии летом 1922 года. В ее ходе было изъято несколько сотен винтовок и три пулемета, а также сожжено несколько домов “бандитов”. Три года спустя в такой же операции участвовало 6 тыс. бойцов Красной Армии. С 23 августа по 12 сентября 1925 года были осуществлены воздушные бомбардировки 16 населенных пунктов и более 100 подвергнуты артиллерийскому обстрелу, сожжено 119 домов “бандитского элемента”. Было изъято 25 тыс. винтовок и более 4 тыс. револьверов. В декабре 1929 года Красной Армии и ГПУ вновь пришлось подавлять восстание чеченцев при поддержке броневиков и авиации».

Восстания в Чечне с их кровавым подавлением продолжались с мрачным постоянством до 1944 года. Уже в 1938 году в Чечне повстанцы провели 98 боевых операций, носящих политико-криминальный характер. Было убито 49 руководящих советских работников.

Во время войны войска ГПУ в Чечне в ходе карательных операций уничтожили около 20 тыс. повстанцев. И это при том, что большая часть мужского населения была на фронте...

После победы у власти была уникальная возможность опереться на фронтовиков-чеченцев, волею обстоятельств включившихся в общесоевое братство, но сталинский режим пошел проторенным путем, превзойдя в жестокости все уже бывшее...

Попытки имперской власти с топорным упорством навязать Чечне и всему Кавказу несвойственные ей правила существования лежат в общем контексте взаимоотношений европейской политической цивилизации с миром неевропейским. В частности, с миром исламским. Но если во второй половине XX века западные страны перешли к более гибкой системе отношений, то Россия, как и во многом другом, тяжело запоздала. Окостеневшая советская система, рухнув, поставила новую демократическую власть перед необходимостью немедленно найти новую систему взаимоотношений с Кавказом – взамен выработанной веками. Новая власть, слишком много унаследовавшая от прежней, по сей день с этим не справилась.

Как не справилась с этой задачей в свое время и пришедшая к руководству после 1996 года новая сепаратистская элита, сумевшая только лишь воспроизвести повстанческую политико-криминальную модель поведения.

И та, и другая стороны оказались в плену гибельных стереотипов...

Историческая память как отдельных людей, так и больших общностей имеет одно опасное свойство – она фрагментарна. Национальная вражда и сепаратизм, радикальные формы культурного и государственного самоопределения слишком часто есть результат этой фрагментарности. Только сильные и подготовленные умы способны охватить картину в целом. Эта категория людей называется просветителями.

Одна из фундаментальных задач России на будущее столетие – «выращивание» этой категории. Ни самодержавное, ни коммунистическое государства, агрессивно предлагавшие гражданам свою принципиально фрагментарную модель прошлого, не были заинтересованы в существовании этой категории и всячески ее подавляли. Построенные одно на мифе, другое на вульгарной лжи, эти государства более всего боялись именно выявления общей и объективной картины прошлого, ибо восприятие такой картины неизбежно разрушало представление о власти как о справедливой и законной.

Христианство и ислам – великие системы миропредставления. И та, и другая на протяжении столетий выбрасывали из себя смертоносные протуберанцы радикализма. Христианству удалось справиться со своими крайностями, исламу – нет. Причины понятны. О них уже шла речь. Победоносные христианские державы давно оправились от унижений арабского и османского напора. Побежденный исламский мир мучительно изживает это чувство и, судя по всему, не скоро изживет. В своем самовоспитании его радикалы используют фрагментарные представления об истории, действующие как возбуждающий наркотик.

Надо сказать, что это относится и вообще к народам, испытавшим пусть даже в отдаленные периоды своего существования национальное унижение. Тут можно вспомнить сербов, несколько столетий живших под властью османов. Да и в судьбе России, до brutального XVIII века изживавшей травму монгольского владычества, эта жажда компенсации сыграла немалую роль.

Или XXI век станет веком выравнивания исторических представлений, их сближения у бывших противников, – для чего необходимо сознательное встречное движение обеих сторон, – или интенсивность исламского радикализма будет возрастать, ломая судьбы стран и народов.

Взаимоотношения России и Кавказа – направление их развития в ближайшие годы – станут важнейшим индикатором для XXI века.

ЧТО УВЛЕКЛО РОССИЮ НА КАВКАЗ?

Император Николай <...> неизменно соблюдает правило вести одновременно лишь одну войну, не считая войны Кавказской, завещанной ему и которую он не может ни прервать, ни прекратить...

Лунин

заметки об идеологии кавказской войны

В конце шестидесятых годов XIX века, когда Кавказская война была завершена, а грядущие мятежи горцев еще не начались, когда обществом и государством владела иллюзия полной решенности проблемы, автор знаменитой книги «Россия и Европа» Н. Я. Данилевский писал:

«Возьмите для примера хоть поселения русских на Кавказе. К благословенным ли странам Кавказа стремится русский народ, предоставленный собственной воле? Нет, для него Сибирь имеет несравненно более привлекательности»¹.

Данилевский, безусловно, был в этом вопросе лицом компетентным. Чиновник департамента сельского хозяйства, он изъездил вдоль и поперек всю Россию.

Ту же мысль, но уже на собственно исторической основе, сформулировал и уточнил первый историк-исследователь в точном смысле слова – в отличие от историков-летописцев Кавказской войны Н. Ф. Дубровина, В. А. Потто, А. Зиссермана – М. Н. Покровский. В начале XX века он писал в работе «Завоевание Кавказа»:

«Война с горцами – Кавказская война в тесном смысле – непосредственно вытекала из этих персидских походов: ее значение было чисто стратегическое, всего менее колонизационное. Свободные горские племена всегда угрожали русской армии, оперировавшей на берегах Аракса, отрезать ее от базы»².

Данилевский, пожалуй, в силу своего жизненного опыта и знания крестьянской России, глубже взглянул на проблему. Колонизационные мечты у правительства российского были, но вот насколько естественна была эта колонизация – в отличие от совершенно естественной колонизации Сибири – вопрос другой.

В феврале 1792 года в ответ на предложение командующего Кавказской линией генерала Гудовича переселить на земли близ Терека десять тысяч государственных крестьян Екатерина отвечала:

«Касательно переселения государственных крестьян малоземельных изнутри России рассуждаем, что когда строением крепостей по линии земли сии

¹ Н. Я. Данилевский. Россия и Европа. СПб., 1895. С. 52.

² М. Н. Покровский. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии: Сб. статей. Лондон, 1991. С. 179.

закрыты будут и хлебопашцам доставится безопасность и спокойствие, тогда сами собою, без убытков казне, и помещики, и государственные крестьяне мало-помалу станут переносить жительства свои в сию привольную страну и вскоре, выходя из малоземельных наместничеств, заселят оную к пользе и выгодам собственным и государственным»³.

Никто не думал в 1792 году, что мир и спокойствие в этих местах – и то относительные – установятся через столетие...

Надо отдать должное М. Н. Покровскому – он отметил чрезвычайно важную черту кавказской драмы. Неколониционный смысл завоевания Кавказа, принципиально отличающий эту акцию от всех других экспансий Московской Руси и России, делает анализ ситуации особенно сложным.

Завоевание Казанского, Астраханского и Крымского ханств с прилегающими территориями имело многообразное значение. Во-первых, происходило устранение военно-стратегической опасности, ликвидация плацдармов, с которых совершались или могли в любой момент совершаться вторжения на собственно российскую территорию. Во-вторых, эти войны имели ясный оттенок реванша за причиненные некогда Ордой страдания и унижения, что создавало благоприятный психологический климат в русских войсках. И в-третьих, в состав государства включались весьма соблазнительные для колонизации земли.

Основная территория Северо-Восточного Кавказа, где и разворачивались решающие события российско-кавказской драмы, особенно Дагестан, – вовсе не прельщала переселенцев из России. Даже если бы она вдруг оказалась свободна от коренного населения. Это – не Крым и не Поволжье.

К Кавказу XVIII – начала XIX века неприменим знаменитый тезис Ключевского о колонизации как одном из главных факторов русской истории. Описывая колониционный процесс, Ключевский в первом томе своего «Курса русской истории» упоминает и Кавказ, но, в отличие от других названных им районов – Туркестана, Сибири, не приводит никаких конкретных цифр. И не случайно. Данилевский был прав, когда оговорился относительно переселения по «своей собственной воле». Основная масса переселенцев в Предкавказье, в том числе и казаков, была помещена туда директивным путем – для закрепления и охраны территории.

Ответы на вопросы: в чем истинный смысл завоевания Кавказа? чем оправданы колоссальные жертвы, приносимые страной ради этого завоевания? есть ли иные пути решения кровавого кризиса? – были столь туманны и противоречивы, что длительное время официальные публицисты и государственные мужи не рисковали даже их ставить.

Как всегда бывает в подобных случаях, проблемой занялись аутсайдеры. Причем, главным образом, это были люди, по тем или иным причинам не имеющие возможности прямо влиять на события.

Пожалуй, впервые ясно и недвусмысленно наиболее радикальное решение очертил Пестель в подпольной «Русской правде».

В первой главе своей конституции – «О земельном пространстве государства» – революционер-государственник, говоря о землях, которые необходимо присоединить к России «для твердого установления Государственной безопасности», утверждал:

«Касательно Кавказских земель потому что все опыты, сделанные для превращения горских народов в мирные и спокойные соседы, ясно и неоспоримо уже доказали невозможность достигнуть сию цель. Сии народы не

³ Кавказский сборник. Тифлис, 1897. Т. XVIII. С. 468.

пропускают ни малейшего случая для нанесения России всевозможного вреда, и одно только то средство для их усмирения, чтобы совершенно их покорить; покуда же не будет сие в полной мере исполнено, нельзя ожидать ни тишины, ни безопасности, и будет в тех странах вечная существовать война. Насчет же приморской части, Турции принадлежащей, надлежит в особенности заметить, что никакой нет возможности усмирить хищные горские народы кавказские, пока будут они иметь средство через Анапу и всю вообще приморскую часть, Порте принадлежащую, получать от турок военные припасы и все средства к беспрестанной войне»⁴.

Во второй главе – «О племенах Россию населяющих» – Пестель решительно развил свои соображения:

«Кавказские народы весьма большое количество отдельных владений составляют. Они разные веры исповедуют, на разных языках говорят, многоразличные обычаи и образ управления имеют и в одной только склонности к буйству и грабительству между собой сходными оказываются. Беспрестанные междоусобия еще больше ожесточают свирепый и хищный их нрав и прекращаются только тогда, когда общая страсть к набегам их на время соединяет для усиленного на русских нападения. Образ их жизни, проводимой в ежевременных военных действиях, одарил сии народы примечательной отважностью и отличной предприимчивостью; но самый сей образ жизни есть причиной, что сии народы столь же бедны, сколь и мало просвещенны. (Обратим внимание на этот момент! – Я. Г.) Земля, в которой они обитают издревле, известна за край благословенный, где все произведения природы с избытком труды человеческие награждать бы могли и который некогда в полном изобилии процветал, ныне же находится в запустелом состоянии и никому никакой пользы не приносит, оттого что народы полудикие владеют сей прекрасной страной. Положение сего края сопредельного Персии и Малой Азии могло бы доставить России самые замечательнейшие способы к установлению деятельнейших и выгоднейших торговых сношений с Южной Азией и следовательно к обогащению государства. Все же сие теряется совершенно оттого, что кавказские народы суть столь же опасные и беспокойные соседы, сколь ненадежные и бесполезные союзники. Принимая к тому в соображение, что все опыты доказали уже неоспоримым образом невозможность склонить сии народы к спокойствию средствами кроткими и дружелюбными, разрешается Временное Верховное Правление:

1) Решительно покорить все народы живущие и все земли лежащие к северу от границы, имеющей быть протянутой между Россией и Персией, а равно и Турцией; в том числе и приморскую часть, ныне Турции принадлежащую.

2) Разделить все сии Кавказские народы на два разряда: мирные и буйные. Первых оставить в их жилищах и дать им российское правление и устройство, а вторых силой переселить во внутренность России, раздробив их малыми количествами по всем русским волостям, и

⁴ Павел Пестель. «Русская правда». М., 1993. С. 115.

3) Завести в Кавказской земле русские селения и сим русским перераздать все земли, отнятые у прежних буйных жителей, дабы сим способом изгладить на Кавказе даже все признаки прежних (то есть теперешних) его обитателей и обратить сей край в спокойную и благоустроенную область русскую»⁵.

Жестокий радикализм Пестеля, поражающий при чтении этих страниц, вовсе не уникален. Достаточно вспомнить взаимоотношения Англии и Ирландии сразу после Английской революции и беспредельную жестокость Кромвеля, буквально утопившего Ирландию в крови. Причем и государственный пафос, и основная аргументация Кромвеля и вообще идеологов колонизации Ирландии чрезвычайно близки к пафосу и аргументации Пестеля.

Нужно помнить, что Пестель писал это в 1824 году, когда активный период Кавказской войны длился около четверти века и действительно были испробованы различные способы замирения горских обществ. В 1824 году ситуация на Северо-Восточном Кавказе была сравнительно спокойной, но пронзительный ум Пестеля точно оценил это спокойствие. В 1825 году восстала вся Чечня и была подавлена Ермоловым. Но Кавказ уже стоял на пороге мюридизма.

«Русская правда» – документ, дающий обширное поле для размышлений. Пестелевская железная конституция продолжает суровую традицию утопических проектов, восходящих к «Государству» Платона, проектов, оперирующих логическими императивами и абсолютно игнорирующих как человеческую природу, так и права отдельной личности.

Но в подходе Пестеля к кавказской проблеме есть одно печальное достоинство – он совершенно трезв. Холодный логик Пестель выбирал наиболее прямой, не отягощенный никакими побочными, – прежде всего нравственными, – соображениями путь к цели. Так было с идеей поголовного уничтожения императорской фамилии. Так было с идеей «окончательного решения» кавказской проблемы.

Пестель представил без обиняков чисто имперскую государственно-политическую точку зрения. И обосновал ее системой аргументов: 1. Необходимость защититься от набегов. 2. Необходимость нейтрализовать постоянный очаг нестабильности на южной границе. 3. Необходимость обеспечить безопасность азиатской торговли России (здесь явно маячит тень Петра I с его каспийско-индийским проектом). 4. Необходимость рационально использовать природные условия, которыми не умеют пользоваться «полудикие народы» Кавказа.

Последний пункт очень характерен: оправдание безжалостного отношения к горцам – уверенность в их хозяйственной и гражданской неполноценности (точка зрения, вполне совпадающая с ермоловской). И с этой точки зрения они совершенно незаконно занимали земли, которые могли быть использованы с пользой для государства.

Это вовсе не противоречит тезису Покровского о неколониационном смысле завоевания Кавказа. Собственно кавказские земли не были столь обширны, чтобы приобретение их стоило таких колоссальных жертв и затрат. Главный смысл – ликвидация горских племен как военно-политического фактора. (Ермолов за несколько лет до Пестеля писал о развращающем примере горской свободы на Россию.) Для Пестеля в его расчисленном и жестко организованном государстве принципиально недопустимо само существование фактически в пределах империи – после присоединения Грузии – вечно кипящего кавказского котла, где население живет по собственным нерациональным правилам, чуждым пестелевской утопии.

Думаю, что Пестеля безумно раздражала романтизация Кавказской войны, игравшая не последнюю роль в психологической атмосфере завоевания.

Такова была «оправдательная доктрина» Пестеля. Для него над тактической прагматикой высоко возвышалась генеральная идея *государственной пользы*. И здесь непримиримый враг

⁵ Там же. С. 167.

самодержавия оказался самым последовательным учеником Петра. Но даже современное ему самодержавное государство не могло позволить себе до поры – до разгрома Черкесии в 1864 году – ни подобных деклараций, ни подобных действий. Пестель же бестрепетно записывает план уничтожения – тем или иным способом – целых народов в документ, который он собирался предъявить всему миру.

Хотя политика николаевского правительства на Кавказе большую часть царствования и была в основных чертах попыткой реализовать идеи Пестеля, но попыткой компромиссной, непоследовательной, половинчатой. Отсюда следовали и вполне плачевные результаты.

С екатерининских времен, когда резко возросла российская активность на южных рубежах, индульгенцией для жестких действий против горцев, идеологической мотивацией была защита единой Грузии.

В известном манифесте Александра I от 12 сентября 1801 года, которым было узаконено вхождение Грузии в состав империи, согласие императора на этот акт обосновывалось исключительно необходимостью спасти христианский народ от истребления «хищными соседями», что имело под собой вполне реальную основу⁶. Отсюда естественным путем вытекала и логика действий против этих соседей. Но у Пестеля этот гуманистический мотив даже не упоминается. Он в нем не нуждался. Пестель, фигура сколь замечательная, столь и опасная, честно сформулировал позицию группы дворянства, наиболее последовательной в своем героически-имперском устремлении. В предвкушении государственного переворота, ориентированного на революционную диктатуру, дающую победителям неограниченные права, он вслух произнес то, что другие, существующие в традиционно-официальном контексте, сказать просто не решались.

Но Пестель и его радикально-имперские единомышленники (главным образом, вне Тайного общества) были явным меньшинством. Большинство – и практики-завоеватели, и публицисты-государственники – жаждало осознания нравственной цели Кавказской войны – крупной, ясной, исторически обоснованной, которая оправдала бы огромные жертвы, и уже понесенные, и те, что предстояло понести в будущем. В противном случае в русском общественном сознании рано или поздно образовалась бы болезненная сфера, порождаемая непониманием и ощущением неоправданности жертв и усилий.

Есть редкие, но явные свидетельства, что люди, особенно чуткие к этой стороне исторического процесса, внимательно следили за происходящим. В 1852 году Чаадаев запрашивал московского почтмейстера А. Я. Булгакова:

«Не можете ли вы прислать мне ненадолго письмо главного наместника (М. С. Воронцов. – *Я. Г.*), в котором он вам сообщает о бегстве Хаджи-Мурата и его смерти. Эта новость, не могущая появиться в газетах, очень важна и подробности ее чрезвычайно любопытны»⁷.

В правомочности и неизбежности завоевания Кавказа сомнений не возникало, но потребность в стройной и убедительной оправдательной доктрине безусловно была.

Автор первого обзорного сочинения, вышедшего в Петербурге в 1835 году, в котором сделана была попытка дать общую картину военных действий на Кавказе и в Закавказье первой трети XIX века, Платон Зубов (не путать с фаворитом Екатерины II) в прологе пытался сформулировать такую идею:

⁶ Историки, исследовавшие эту проблематику, писали о широкомасштабной охоте за людьми, которая была важным фактором в экономике горских обществ. Особенно страдала Кахетия от набегов джаро-белоканских лезгин, которые ежегодно уводили для продажи в рабство через турецких, а иногда генуэзских посредников тысячи людей. Еще более опустошительными были вторжения в Грузию персидских войск.

⁷ П. Я. Чаадаев. Полное собрание сочинений и избранных писем. М., 1991. Т. 11. С. 264.

«Исполнители великих намерений российского Монарха, они (русские генералы. – Я. Г.) извлекли Грузию и сопредельные ей земли, подвластные Российскому скипетру за Кавказом, из страшного анархического состояния; создали их благоустройство, политическую свободу, неприкосновенность собственности; озарили просвещением и гражданственностью; дали способ России предвидеть важные выгоды от ее Закавказских владений и заставили Персию и Азиатскую Турцию трепетать Российского оружия»⁸.

«Важные выгоды» здесь вполне гипотетичны – недаром их можно только «предвидеть». Тем более что манифестом от 12 сентября 1801 года Александр пообещал грузинам: «Все подати с земли вашей повелели мы обращать в пользу вашу», то есть все налоги, собранные на новых землях, на этих землях и остаются. «Трепетать» Персию и Турцию можно было заставить – и заставляли! – и не присоединяя Грузию. Этот «трепет» отнюдь не был самоцелью.

Центральная идея здесь – чисто благотворительная: спасение, благоустройство и просвещение единоверного народа. Исполнение христианского долга. Действия в Закавказье и – неизбежно – на Кавказе оказывались новым крестовым походом...

Через шестьдесят с лишним лет, после окончания войны, этот религиозно-благотворительный аспект ретроспективно сформулировал Данилевский:

«Мелкие христианские царства еще со времен Грозного и Годунова молили о русской помощи и предлагали признать русское подданство. Но только император Александр I, в начале своего царствования, после долгих колебаний, согласился наконец исполнить это желание, убедившись предварительно, что грузинские царства, донельзя истомленные вековой борьбой с турками, персиянами и кавказскими горцами, не могли вести долее самостоятельного существования и должны были или погибнуть, или присоединиться к единоверной России. Делая этот шаг, Россия знала, что принимает на себя тяжелую обузу, хотя, может быть, не предугадывала, что она будет так тяжела, – что она будет стоять ей непрерывной шестидесятилетней борьбы. Как бы то ни было, ни по сущности дела, ни по его форме, тут не было завоевания, а было подаяние помощи изнемогавшему и погибавшему»⁹.

Но все это формулировалось постфактум. А в разгар изнурительной войны идея крестового похода, сопряженного с такими жертвами и усилиями, была уже недостаточна. В первое десятилетие XIX века мощная инерция имперского строительства, рывка России на юг в Причерноморье, подвиги в этом направлении Румянцева, Суворова и Потемкина, воспитанниками которых были генералы-завоеватели этого периода, заменяли идеологию войны. Позже энтузиазм, рожденный подавлением Польши, во время которого и прославился первый покоритель Кавказа князь Павел Дмитриевич Цицианов, играл ту же роль. Но после 1812 года и заграничных походов требовалось нечто иное, дополняющее и облагораживающее идею государственной пользы как таковой.

Требовалось нечто схожее с идеей, одушевлявшей русское общество в его постоянном противостоянии Турции: во-первых, освобождение единоверных и единокровных братьев-славян и братьев по вере и культуре греков – как аспект гуманистический и религиозный; во-

⁸ П. Zubov. Подвиги русских воинов в странах кавказских с 1800 по 1834 год. Т. 1, ч. 1. СПб., 1835.

⁹ Н. Я. Данилевский. Россия и Европа. С. 36.

вторых, контроль над Босфором и Дарданеллами, обеспечивающий беспрепятственный выход в Средиземноморье, – как аспект прагматический. Противостояние Турции воспринималось как грандиозная историческая задача европейского масштаба, как благородная миссия, восходящая к миссии Руси, заслонившей Европу от монголов. Эти представления уже трансформировались в XIX веке в чистый миф, но миф психологически комфортный и духовно мобилизующий.

Ермоловский период – приход на Кавказ людей 1812 года, участников заграничных походов с их антидеспотическими настроениями – принес наметки новой доктрины – цивилизаторской и гуманизаторской, на основе которой Ермолов повел непримиримую борьбу с местными деспотиями – ханствами, борьбу, победные результаты которой обернулись против России. Подорвав и почти уничтожив власть ханов, нарушив тем самым и без того неустойчивую структуру политического и военного равновесия в Дагестане, Ермолов поставил Россию лицом к лицу с куда более опасным противником – вольными горскими обществами. Но это – проблема другого ряда.

Сейчас вернемся к идеологии, предлагаемой аутсайдерами – декабристами, которые не были связаны официальным контекстом, дисциплинирующим мысль до ее омертвления.

Как это ни парадоксально, самым внимательным и пристально анализирующим наблюдателем кавказских дел в наиболее тяжелый период войны был загнанный в глубь Сибири Михаил Сергеевич Лунин, один из наиболее сильных мыслителей декабризма.

О Кавказской войне – как характернейшем факторе русской политической и экономической жизни – напряженно думали именно те, кому ясна была катастрофичность генерального пути, выбранного самодержавием.

Историософски мыслящий человек, Лунин включает Кавказскую войну и все, что связано с кавказскими делами, в общий контекст российской жизни. Он перечисляет бездарные акции правительства, в том числе и тяжелейшую, с огромными жертвами выигранную Турецкую войну, неумелую борьбу с холерной эпидемией, приведшую к кровавым бунтам. Лунин с поразительным чутьем обозначает фон, на котором началась убийственная для русских властей пробуксовка военных действий на Кавказе.

«Годы 1833, 34 и 40 будут отмечены трауром в наших летописях из-за почти повсеместного голода, поразившего страну и обличающего некий коренной порок в общественном хозяйстве. В длительных мучениях голода в своих лачугах погибли и гибнут ежедневно тысячи кормильцев и защитников государства, на которых бедствия народные падают всею своею тяжестью. Во всяком бедствии есть предел, который приводит народ в движение. В нескольких внутренних губерниях крестьяне при виде полей, выжженных во время жатвы, павшего скота и гибнущих семейств убили помещиков, подожгли собственные жилища и покинули землю, которую напрасно поливали своим потом...»¹⁰

Знаменательно, что эти пассажи о тяжком внутреннем положении России вклиниваются в рассуждения Лунина о подавлении Польши и завоевании Кавказа. Выстраивается некая единая система взаимоотношений глубоко неблагополучной империи со своими составляющими. Но отношение к Польше и Кавказу у Лунина принципиально различное. И дело, разумеется, не просто в известном полонофильстве Лунина, а в его подходе к двум этим наиболее актуальным тогда имперским проблемам.

¹⁰ М. С. Лунин. Сочинения, письма, документы. Иркутск, 1988. С. 168.

О Польской войне он пишет:

«Потери нашей заново набранной армии еще раз были громадны. Но не одну лишь смерть соотечественников надлежит нам оплакивать в несчастной этой войне. Меч был поднят против родственного народа, введенного в заблуждение обманчивыми обещаниями в предшествующее царствование; и братья истребляли друг друга на полях сражений»¹¹.

Война с Польшей – трагическое недоразумение, которого можно и нужно было избежать. Не то с Кавказом. Лунин безусловно приветствует включение в состав империи новых территорий – «областей Эриванской, Нахичеванской и Ахалцыхской». Кавказская война вызывает его резкое неприятие не сутью своей, но самим характером действий и последствиями их для России.

Лапидарно, безжалостно и конкретно очертив внутренние неустройства империи, из этих принципиальных неустройств, из неверного общего движения дел в стране, из пагубного выбора модели государственной системы, из отстранения от активной легальной деятельности людей Тайного общества с их спасительными идеями Лунин непосредственно выводит роковые пороки Кавказской войны.

«...Разорительная, убийственная война, заполнившая три предыдущих царствования, оправдать которую можно лишь политическими соображениями, все еще длится на Кавказе. Несмотря на значительные силы, брошенные в эту войну с начала нынешнего царствования, никакого положительного результата нет. Внутренняя часть обширной территории, вдающейся в пределы империи, по-прежнему находится во власти нескольких полудиких народцев, которых не смогли ни победить силой оружия, ни покорить *более действенными средствами цивилизации*. Эти орды нападают на наши одинокие посты, истребляют наши войска по частям, затрудняют сообщение и совершают набеги в глубь наших пограничных провинций. Медленность военных операций в этих краях приписывают обычно трудностям местности, изрезанной горными цепями и сетью бурных потоков, нездоровому климату и воинственному нраву туземцев. Однако современная военная наука не считает более препятствиями неровности почвы; климат, в котором произрастает виноград, хлопок, шелковица, марена, кошениль, шафран и сахарный тростник, не может быть вреден для человека; и, наконец, бедные туземцы, которых стараются изобразить в столь мрачных красках, это всего лишь слабые разрозненные орды, лишенные союзников, невежественные в военном искусстве, не обладающие ни крепостями, ни армией, ни пушками. Не естественнее ли приписать вялый ход войны причине, которая повсюду в той или иной мере тормозит успехи правительства? Ему пришлось сменить подряд нескольких главнокомандующих за их небрежность или явную неспособность. Один из них был лишен командования и переведен в Сенат за кражи и взятки, которые имел слабость допускать, если не пользовался ими лично. Никто из них, исключая победителя Эривани, не заслужил общественного доверия своими военными или административными

¹¹ Там же.

талантами. Правительству недостает людей, потому что ему самому недостает принципов»¹².

И тут же Лунин переходит к явлениям, которые для него связаны с многолетней безуспешной «разорительной войной».

«Рекрутчина поглотила за эти пятнадцать лет более миллиона человек. Косвенные налоги возросли вследствие обложения табака и выпуска новых бумажных денег. <...> Государственный долг превышает миллиард рублей, вынуждает нас передать его будущим поколениям как печальное наследие и наследственный недуг»¹³.

При этом Лунин полагает, что Николай «не может ни прервать, ни прекратить» Кавказскую войну «по причинам, указанным нами выше».

Однако причины эти не совсем ясны из предыдущего текста.

В отличие от поляков – «родственного народа», кавказские горцы, как видим, не вызывают у Лунина ни уважения, ни сочувствия. Первое, очевидно, объясняется отсутствием личных впечатлений. Горцы даже на непримиримых конкистадоров производили сильнейшее впечатление, которое проявлялось в самых неожиданных формах. Это подлежит подробному исследованию как один из важнейших психологических аспектов Кавказской войны для России. Второе – принципиальное. Движение России на юго-восток, в Азию Лунин считал неизбежным и оправданным. Более того, из двух направлений имперской экспансии: западного и юго-восточного – вечная дилемма российской геополитики – важнейшим он считал второе. И был в этом не одинок.

В 1838 году в очередном письме сестре, – а Лунин, как известно, использовал форму писем к сестре, как Чаадаев письма к некоей даме, для изложения своих политических и историко-философских идей, – он все расставил по местам.

Чтобы придать своему тексту вид частного письма, Лунин воспользовался в качестве повода обсуждением возможной карьеры племянника. Он писал:

«...Ты опровергаешь идею действительной службы на Кавказе для твоего старшего сына. Объяснимся. Южная граница наша составляет самый занимательный вопрос настоящей политики. В стужах сибирских, из глубины заточения мысль моя часто переносится на берега Черного моря и обтекает три военных линии, проведенных русскими штыками, в краю, иззубренном мечами римлян. Предназначенные также значительно действовать в истории, русские в 1557 году имели два направления для развития своей материальной силы: одно на север, другое на юг. Правительство избрало первое. Постоянными усилиями и пожертвованиями оно достигло своей цели. Главная выгода этого направления состоит в приобретении побережья двух второстепенных морей и океана неудобного. Второе направление представляло важнейшие результаты. Это была мысль Адашева и Сильвестра. Сохраняясь силою сокровенною, свойственною идеям органическим, она с полвека тому начала развиваться в постепенных завоеваниях наших на южной границе. Каждый шаг на севере принуждал нас входить в сношения с

¹² М. С. Лунин. Сочинения... С. 170.

¹³ Там же. С. 171.

державами европейскими. Каждый шаг на юге вынуждает входить в сношения с нами. В смысле политическом взятие Ахалциха важнее взятия Парижа. Если дела Кавказа немощны, несмотря на огромные средства, употребляемые правительством, это происходит от неспособности людей, последовательно назначаемых вождями войск и правителями края. Один покоритель Эривани по своим военным талантам отделен от группы этой старой школы. Но он явился мгновенно во главе армии, а в этой земле надо не только покорять, но и организовывать. Система же, принятая для достижения последней цели, кажется недостаточна: ибо не удалась на равнинах запада, как и в горах юга. Пределы письма не позволяют развить все мои мысли. Verbum – sapienti¹⁴. Из этих общих усмотрений следует: служба на Кавказе представляет твоему сыну случай изучить военное искусство во многих его отраслях и принять действительное участие в вопросе важного достоинства для будущей судьбы его отечества»¹⁵.

После фразы о «недостаточности системы» шла фраза, затем вычеркнутая: «Не имея под собой разумной основы, они годятся лишь для того, чтобы скрепить присоединенные части». Очевидно, Лунин, стремившийся к максимальной лапидарности и выразительности, считал, что и так все понятно. Но вычеркнутая фраза крайне важна – речь идет о механическом, силовом скреплении частей империи при отсутствии органично объединяющей идеи. Речь идет об отсутствии убедительной идеологии, которая облегчила бы процесс завоевания Кавказа, который в чисто военном отношении не представлял, по мнению Лунина, ничего невозможного. Что вполне соответствовало действительности. Русские батальоны, эскадроны и казачьи сотни за четыре десятилетия исходили Кавказ вдоль и поперек. Задача заключалась не в том, чтобы достигнуть того или иного пункта, а в том, чтобы удержать, освоить пройденное пространство. Вот это-то и не удавалось. Тут требовалась та самая организация, которая была невозможна без идеи, которую – в идеале – могли органично воспринять и усвоить обе противоборствующие стороны. Или, хотя бы, только русская сторона.

По Лунину, успехи в борьбе с Турцией объяснялись сокровенной силой органичной идеи, которая лежала в основе южной стратегии в противовес западной. Лунин не воспринимал западные державы как естественного противника. Странное, на первый взгляд, утверждение: «Каждый шаг на севере принуждал нас входить в сношения с державами европейскими. Каждый шаг на юге вынуждает входить в сношения с нами», – имеет вполне определенный смысл. Продвигаясь на запад, то есть север по отношению к южному направлению, Россия, так сказать, навязывала себя Европе, силой втискивалась в «концерт» европейских держав, отбирала земли, принадлежащие западным странам, что создавало постоянно конфликтную и напряженную ситуацию. Расширяясь на юг, усиливаясь таким образом территориально, морально и в отношении военном, ослабляя Турцию, не одно столетие угрожавшую юго-восточному флангу Европы, Россия делается для Запада желанным и неперменным партнером. Она не теснит западные державы, но становится в один ряд с ними.

Вот почему Лунин особо выделяет взятие Ахалциха – мощного турецкого форпоста в Грузии – в 1828 году войсками Паскевича, что принципиально меняло военно-стратегическую обстановку в направлении собственно турецкой границы. Выигранную Турецкую войну Лунин считает важнее победы над Наполеоном в Европе – «взятие Ахалциха важнее взятия Парижа», ибо здесь одержана победа над главным, естественным противником на главном, естественном направлении.

¹⁴ Слово – разумному (лат.).

¹⁵ М. С. Лунин. Сочинения... С. 96.

Таким образом, идеологическое оправдание для расширения российских территорий в южном направлении – в том числе и на Кавказе – для Лунина ясно. Но Кавказ – особая сфера, особая ситуация, нуждавшаяся в специальной доктрине. Этой-то доктрины ни правительство, ни кто иной при засилии консерваторов предложить не может.

Для Кавказской войны – в отличие от Персидской и Турецкой – у России нет локальной органичной идеи, поскольку консервативный контекст не дает ей родиться. А талантливых исполнителей нет постольку, поскольку они вырастают только на дрожжах органичных идей. Заколдованный круг.

(Если мы вспомним, что двадцатилетняя Северная война не выдвинула ни одного сколько-нибудь выдающегося полководца, кроме самого Петра, равно как и участие России в Семилетней войне, а турецкие войны екатерининского времени немедленно породили блестящую плеяду военачальников во главе с Румянцевым и Суворовым, то стоит задуматься над лунинским парадоксом.)

На одну лунинскую мысль надо обратить особое внимание: система, принятая Петербургом для того, чтобы организовать новоприобретенные части империи, «не удалась на равнинах запада, как и в горах юга».

Лунин напрямую сравнивает Польшу и Кавказ, подтверждая отсутствие у империи в этот период общей органической идеи, общего объединяющего принципа, кроме механического «скрепления присоединенных частей».

Он видит в этом глубокий порок и угрозу будущему. И, как мы знаем, он не ошибся. Однако, считая покорение Кавказа «вопросом важного достоинства для будущей судьбы <...> отечества» – ни больше ни меньше! – напрямую никак не формулирует эту столь необходимую органическую идею.

Но некоторое представление о том, что имел в виду Лунин, составить все же можно. На следующий год он снова возвращается к кавказской проблеме – ясно, что она не уходила из его мыслей:

«Я указал, что медленность успехов на Кавказе проистекает от людей старого толка: люди с новыми понятиями явились в рядах войска и совершили важный шаг».

Лунин говорит здесь о тех членах Тайного общества или близких к ним людях, которые сыграли незаурядную роль в кавказских событиях, – Николае Николаевиче Раевском-младшем, возглавлявшем русские войска на Черноморском театре, Иване Бурцове, герое Ахалциха, генерале Вольховском, обер-квартирмейстере Кавказского корпуса во время Турецкой войны, а затем начальнике штаба корпуса. Но дело не в их личных талантах и достоинствах, а в той идеологии, которую они, по мнению Лунина, представляли.

Не подразделяя различные группировки Тайного общества по оттенкам – иногда весьма существенным – политических представлений, Лунин считал их всех носителями конституционной либеральной идеи.

Лунин явно не был сторонником компромиссного решения конфликта России с Кавказом. Он был убежденным сторонником военного давления на «слабые разрозненные орды» «бедных туземцев» с одновременной разумной «организацией» края. Но, как ни парадоксально это звучит, он убежден, что эффективно воевать и удерживать завоеванное способна отнюдь не военная империя Николая, а либеральное конституционное государство Тайного общества. И, стало быть, органичную идею для Кавказа следовало искать в этом направлении. Это особый вопрос, требующий отдельного исследования. А здесь скажем только, что стремительное

окончание войны после 1856 года, когда появились явные тенденции либерализации политического режима, подтверждает эту странную на первый взгляд мысль Лунина.

У декабристов, близких к Лунину и разделявших убеждение в неизбежности и необходимости завоевания Кавказа, когда сами они оказывались лицом к лицу с кавказской реальностью, появлялись соображения, отличные от лунинских в деталях, но принципиально развивающие и конкретизирующие их.

Глубоко почитавший Лунина и многому от него в моральном и историософском плане научившийся Андрей Розен в воспоминаниях оставил удивительное свидетельство этого движения взглядов. Вспоминая свой отъезд с Кавказа после разрешения выйти в отставку, он писал:

«Прощай, Кавказ! С лишним уже 140 лет гремит оружие русское в твоих ущельях, чтобы завоевать тебя окончательно, чтобы покорить разноплеменных обитателей твоих, незначительных числом, диких, но сильных в бою, неодолимых за твердынями неприступных гор твоих; иначе русский штык-богатырь давно довершил бы завоевание»¹⁶.

Здесь две вещи важны. Розен писал кавказские главы «Записок», судя по всему, в конце 1850-х годов – но до пленения Шамиля, иначе он обязательно упомянул бы об этом роковом моменте войны. Он считает завоевание далеко еще не законченным, что свидетельствует о настроениях в обществе, о том, как представлялась в самой России ситуация на Кавказе. То, что пленение Шамиля и фактическое окончание войны в 1859 году было полной неожиданностью, подтверждается и другими источниками. Р. Фадеев, участник, идеолог, историограф Кавказской войны, так начал свою книгу о ней:

«В прошлом сентябре Россия прочитала с удивлением, едва веря своим глазам, телеграфические донесения князя Барятинского Государю Императору, извещавшие, “что восточный Кавказ покорен от моря Каспийского до Военно-Грузинской дороги”, что “Шамиль взят и отправлен в Петербург”; русское общество знало, хотя и смутно, что в последнее время дела пошли на Кавказе хорошо, но далеко еще не ждало такого быстрого конца»¹⁷.

Это еще одно подтверждение, что Великая Кавказская война была терра инкогнита для русского общества. В конце пятидесятых – уже есть телеграф, масса газет, существует институт корреспондентов, газеты соревнуются по части свежих новостей, цензура не свирепствует, – а общество «смутно» представляет себе, что же происходит на самом многолетнем театре военных действий в отечественной истории.

Далее – Розен абсолютно не сомневается в необходимости покорения Кавказа и в конечной достижимости этой цели. Как и Лунин, он сетует на длительность войны, но объясняет это совершенно по-иному. Лунин считал первопричиной устаревшую порочную идеологию, выдвигавшую принципиально неспособных людей, не умеющих «организовать» завоеванное пространство. Розен объясняет неуспехи русского оружия чисто географически: горцы «неодолимы за твердынями неприступных гор» Кавказа.

¹⁶ А. Е. Розен. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 388.

¹⁷ Р. А. Фадеев. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. С. 1.

Наконец – хронология. Розен, наверняка участник многих разговоров о Кавказской войне, определяет ее длительность около 1859 года в 140 лет. То есть возводит ее начало к персидскому походу Петра I.

Но главное для нас – дальше.

«Мы давно уже владеем равнинами по сию сторону Кавказа; владения наши по ту сторону гор, в Закавказье, простираются далее прежней границы Персии, а все еще Кавказ не наш; ни путешественник, ни купец, ни промышленник не посмеют ехать за линию без воинского прикрытия, без опасения за жизнь свою и за имущество».

То есть Розен стоит на позиции ограниченно прагматической. Необходимость победоносного завершения Кавказской войны диктуется невозможностью терпеть внутри империи неподконтрольный опасный анклав, угрожающий безопасности российских граждан и успехам торговли. Таким образом, речь идет о коммуникациях с Закавказьем.

«Имена Зубова, Лазарева, князя Цицианова, Котляревского, Ермолова, Паскевича, Розена напоминают нам ряд блестящих и геройских подвигов, коих было бы достаточно для покорения многих государств, но оказались бесполезными до сих пор против горцев»¹⁸.

Разумеется, Розен как человек ясного ума догадывался, что безуспешность колоссальных и самоотверженных воинских усилий объясняется не только сильно пересеченной местностью на театре военных действий. И в процессе рассуждения он приходит к весьма определенным выводам.

«До Ермолова военная сила наша была незначительна в тех местах; она увеличивалась при особенных, важных экспедициях только временно. Ермолов имел постоянно не более 40 000 войска, но мастерски владел этой силою, умел быстро направить ее куда нужно было, держал врагов в непрестанном страхе – одно его имя стоило целой армии. Ныне с линейными казаками у нас больше 110 000 воинов на Кавказе постоянно; хотя мы и подвигаемся в завоеваниях, но медленно, ненадежно и дорого. *Кажется, что самое начало было неправильное* (выделено мной. – Я. Г.); мы подражали прежнему старинному образу действий: как Пизарро и Кортес, принесли мы на Кавказ только оружие и страх, сделали врагов еще более дикими и воинственными, вместо того, чтобы приманить их в завоеванные равнины и к берегам рек различными выгодами, цветущими поселениями»¹⁹.

Сравнение русских войск с испанскими конкистадорами не было изобретением Розена. Очевидно, оно было достаточно распространено. Во всяком случае, Н. Н. Раевский-младший, командовавший Черноморской линией и самоотверженно воевавший, но не разделявший фундаментальных принципов завоевания, писал:

¹⁸ А. Е. Розен. Записки... С. 389.

¹⁹ Там же. С. 390.

«Наши действия на Кавказе напоминают все бедствия первоначального завоевания Америки испанцами»²⁰.

Именно это и имел в виду Лунин – консервативный конкистадорский подход к кавказской проблеме. У Розена названы имена-символы. Кавказский корпус поставлен на одну доску с отрядами испанских завоевателей, руководствовавшихся чистой прагматикой, абсолютно не учитывавших интересы туземцев, знавших два принципа – подавляй силой оружия и разделяй и властвуй. Именно эти два принципа и были определяющими до второй половины 1840-х годов. С той только разницей, что Испания, равно как и сами конкистадоры, стремительно обогащалась, а Россия не менее стремительно растрачивала свой капитал. Недаром и Лунин, и Розен постоянно говорят о дороговизне войны.

Из розеновского текста надо выделить фразу: «Кажется, что самое начало было неправильное». Если учесть, что Розен отсчитывает начало Кавказской войны от персидского похода Петра, то его сомнения отнюдь не беспочвенны. Петр и его генералы совершенно неправильно оценили обстановку на Кавказе. Горские общества воспринимались ими даже не как противник, но как досадная злая помеха великому делу. Это был принцип. Совершенно так же Петр отнесся к стрельцам, взбунтовавшимся в 1698 году, даже не попытавшись понять, что же заставило их пойти на этот самоубийственный шаг. Хотя причины были вполне конкретны и устранить их ничего не стоило. Но поведение стрельцов идеально укладывалось в схему, которую Петр для себя построил, – косные, темные люди, желающие сорвать великие начинания. Между тем стрельцы и рады были бы вжиться в эту строящуюся систему отношений, но им не давали такой возможности, их полусознательно провоцировали. И Петр решил проблему отсечением тысяч голов.

Ситуация с горскими племенами была, конечно же, сложнее. Но путем кропотливой дипломатической работы, не исключавшей отдельные военные акции, налаживанием торговых связей, умным сопоставлением ценностей можно было начать процесс сосуществования.

Горцы действительно пытались не пропустить через свою территорию драгунские полки, идущие неизвестно куда и зачем. Но карательные экспедиции генерала Матюшкина стали камертоном отношений России и Кавказа на столетия вперед... Именно эта, Петром заложенная, традиция взаимоотношений подготовила движение шейха Мансура, ставшее подлинным прологом классического периода Кавказской войны.

То развитие событий, плоды которого Россия пожинает ныне, не было безусловно детерминировано. Существовали – гипотетически! – иные варианты. И в середине XIX века Розен предлагает вернуться к тому, что было упущено в первой трети XVIII века. Он в общих чертах рисует всю систему воздействия на умонстроения горцев.

«Англичане тоже стреляют ядрами и пулями в индийцев и китайцев, но привозят к ним, кроме огнестрельного оружия, всякие орудия для выгодного труда, торговлю, образование, веру и, по доказанному опыту, верную надежду на будущее благосостояние. Россия также старалась действовать мирными средствами: она по обеим сторонам Кавказа поселила иностранных колонистов, но в малом объеме; она последнее время стала селить женатых солдат и отставных по военной дороге в Кабарде; но эти поселения служат не приманкою, а угрозою и страшилищем. Кто исчислит все жертвы, которые государство ежегодно приносит людьми и деньгами? Эти значительные пожертвования уже не позволяют отстать от начатого дела; кроме того, Кавказ

²⁰ Акты Кавказской археографической комиссии. Т. IX, ч. 2. Тифлис. С. 505.

нам нужен в будущем для сообщений торговых. Много уже сделано, остается довершить, но только не исключительно одним оружием»²¹.

Из всего вышесказанного можно заключить, что Розен, разделяя тезис Пестеля об экономической несостоятельности горцев, делает существенно иные выводы и выдвигает в качестве оправдательной доктрины доктрину цивилизаторскую – Россия призвана принести горцам благосостояние и мирное гражданское существование. И добиваться этого нужно не только навязывая Кавказу свою волю силой оружия, но прежде всего демонстрируя в замиренных районах плоды экономического преуспеяния.

Проект Розена, основанный на английском опыте, конечно же, утопичен. Столетиями, если не тысячелетиями, привыкшие к повиновению своим властителям индийцы и китайцы, жившие в строго иерархической системе, никак не сопоставимы с гордыми и свободолюбивыми воинами из независимых горских обществ, для которых право жить по своим традициям и миропредставлениям равнозначно было праву жить вообще. Не говоря уже об одушевлявшей и объединявшей их в тридцатые и сороковые годы фанатичной идее мюридизма.

(Да и с английским опытом все было далеко не так благополучно. В те самые годы, когда Розен писал вышецитированные строки, в Индии полыхало ужасающее по жестокости восстание сипаев, подавленное, как теперь бы сказали, адекватными мерами, то есть с неограниченной жестокостью.)

Вполне утопичны были и надежды Розена на мудрое поведение российской администрации на замиренных территориях.

«Много горцев уже поступили добровольно в подданство России, они известны под общим названием *мирных черкесов*; этим людям следовало дать всевозможные льготы и выгоды, оставить им пока их суд и расправу, не навязывать им наших судей-исправников. Благосостояние покоренных или добровольно покорившихся горцев доставило бы нам в несколько лет больше верных завоеваний и прочных, чем сто тысяч воинов и сто миллионов рублей могли бы это совершить. Пока не покорившиеся горцы видят, что покорные нам братья их ведут жизнь не лучше непокорных, до тех пор будут противиться они до последней крайности... Хорошее управление не меньше русской храбрости может ускорить окончательное покорение и сделать его прочным. <...> Потомство не забудет главных сподвижников в этом деле; потомство соберет плоды с земли, орошенной кровью храбрых, и с лихвою возвратит себе несметные суммы, издержанные предками на это завоевание»²².

Благосостояние, разумеется, значило немало, но отнюдь не все. Для горца, как уже говорилось, не менее важно было сохранить традиционный миропорядок, который казался ему единственно достойным, сохранить тот стиль жизни, который позволял сохранить самоуважение. Трагичность и неразрешимость ситуации заключалась в том, что этот стиль органически включал в себя и элементы, совершенно неприемлемые для российской стороны, – как, например, набеги, составлявшие чрезвычайно важную – экономически и психологически – часть горского быта.

Но главное не в этом. Розен ждал от николаевского государства того, что тому было категорически несвойственно. Элементы розеновского проекта были использованы князем Баря-

²¹ А. Е. Розен. Записки... С. 390.

²² Там же.

тинским – но уже в другой России. И зерно здесь, конечно, – «оставить им пока их суд и расправу, не навязывать им наших судей-исправников».

Вопрос о суде и расправе был едва ли не ключевым в замиренных областях. Ростислав Фадеев, бывший в первый период после окончания войны сторонником введения судопроизводства, приближенного к европейскому, в семидесятые годы на основании горчайшего опыта радикально изменил свое мнение:

«Подчинение христианским гражданским законам, – писал он в “Записке об управлении азиатскими окраинами”, – равняется для туземца насилчанию на каждом шагу его веры, связанной с самыми мелочными обычаями жизни»²³.

Об этом же говорил и Грибоедов:

«Не навязывайте здешнему народу не соответствующих его нравам и обычаям законов, которых никто не понимает и не принимает. Дайте народу им же самим выбранных судей, которым он доверяет. Если возможно, то не вмешивайтесь в его внутреннее управление, пусть в органах управления и в суде присутствуют депутаты, назначенные правительством, а в остальном не прибегайте ни к какому насилию»²⁴.

Правда, говорил он это неофициально.

Время для реализации подобной методы было безнадежно упущено, о чем прямо и просто написал еще один русский мыслитель, побывавший на Кавказе в конце 1820-х годов. Это был Пушкин. В «Путешествии в Арзрум» есть полторы страницы, поразительные по безнадежности тона:

«Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги. Дружба *мирных* черкесов ненадежна: они всегда готовы помочь буйным своим единоплеменникам. (У Розена: “В ермоловское время офицеры на Кавказе терпеть не могли мирных черкесов; они ненавидели их хуже враждебных, потому что они переходили и изменяли непрерывно, смотря по обстоятельствам...”) Дух дикого их рыцарства заметно упал. Они редко нападают в равном числе на казаков, никогда на пехоту и бегут, завидя пушку. Зато никогда не пропустят случая напасть на слабый отряд или на беззащитного. Здешняя сторона полна молвой о их злодействах. Почти нет никакого способа их усмирить, пока их не обезоружат, как обезоружили крымских татар, что чрезвычайно трудно исполнить, по причине господствующих между ими наследственных распрей и мщения крови. Кинжал и пашка суть члены их тела, и младенец начинает владеть ими прежде, нежели лепетать. У них убийство – простое телодвижение... Недавно поймали мирного черкеса, выстрелившего в солдата. Он оправдывался тем, что ружье его слишком долго было заряжено. Что делать с таковым народом?»

²³ Р. А. Фадеев. Собрание сочинений. Т. 1, ч. 2. СПб., 1890. С. 138.

²⁴ А. С. Грибоедов. Сочинения. Л., 1945. С. 510.

Любопытно, что у каждого из цитированных мною авторов есть нечто только ему присущее, только им наблюденное и угаданное. Пушкин единственный, кто выводит безнадежность кавказской ситуации из неискоренимых особенностей национальной психологии горцев, то есть фактора, для устранения которого требуются столетия. И этим объясняется тон последующего текста:

«Должно однако ж надеяться, что приобретение Восточного края Черного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться. Влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению: самовар был бы важным нововведением».

Гениально лапидарные тексты Пушкина – родственные в этом отношении лунинским – замечательны тем, что иногда одно слово, один стилистический оборот является смысловым ключом к наиболее существенным пассажирам.

Трудно отделаться от впечатления, что вышеприведенные фразы не есть пародия на известный в то время проект адмирала Мордвинова, предложенный Ермолову при его назначении на Кавказ. В проекте, в частности, предлагалось «умягчить суровую нравственность» горцев «нашим роскошеством, сблизить их к нам понятиями, вкусами, нуждами и требованиями от нас домашней утвари». Повторив мало уместное слово «роскошь», Пушкин тут же убил смысл мордвиновского предложения словом «самовар». Укрощать смертельно обиженных, ограбленных черкесов введением в их быт самовара – это могло быть только издевательством над самой идеей бытовой адаптации горцев.

Но далее у Пушкина идет крайне серьезный абзац:

«Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия. Черкесы очень недавно приняли магометанскую веру. Они были увлечены деятельным фанатизмом апостолов *Корана*, между коими отличался Мансур, человек необыкновенный, долго возмущавший Кавказ противу русского владычества, наконец схваченный нами и умерший в Соловецком монастыре. Кавказ ожидает христианских миссионеров».

Но далее, как и в случае с мордвиновской идеей, Пушкин одним словом фактически перечеркивает смысл сказанного:

«Но легче для нашей лени в замену слова живого выливать мертвые буквы и посылать немые книги людям, не знающим грамоты»²⁵.

Здесь, разумеется, знаковое слово – «леность», которое приводит нас к знаменитой фразе: «мы ленивы и нелюбопытны». Наблюдая бессмысленную попытку распространения Священного писания на русском языке среди горцев, Пушкин явно не верит в реальность миссионерской деятельности.

Над поисками выхода из российско-кавказской драмы размышляли, разумеется, не только военные профессионалы. Вскоре после пленения Шамиля – осенью 1859 года – Добро-

²⁵ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. АН СССР. М.—Л., 1949. Т. VI. С. 647—649.

любов, поборник гражданских прав и свобод, опубликовал статью «О значении наших последних подвигов на Кавказе». Слово «подвиги» здесь употреблено в самом точном и серьезном значении.

На всем обширном пространстве статьи Добролюбов ни разу не усомнился в самой необходимости и целесообразности завоевания. Но, подробно очертив основные этапы войны, он трезво проанализировал главные, по его мнению, причины ожесточенного сопротивления горцев – грубость, некомпетентность и невежество русской администрации, совершенно не учитывавшей особенности миропредставления, обычаев и верований кавказских племен.

Оценил он и суть конфликта между великим имамом и охладевшими к нему в середине 1850-х годов горцами:

«Управление Шамиля казалось тяжело для племен, не привыкших к неповиновению, а выгод от этого управления они не находили. Напротив, они видели, что жизнь мирных селений, находящихся под покровительством русских, гораздо спокойнее и стабильнее. Следовательно, им представлялся уже выбор – не между свободой и покорностью, а только между покорностью Шамилю, без обеспечения своего спокойствия и жизни, и между покорностью русским, с надеждой на мир и удобство быта. Само собою разумеется, что рано или поздно выбор их должен был склоняться на последнее»²⁶.

И делает логичный вывод:

«Отсюда ясно, что нужно для того, чтобы удержать и прочно связать с Россией новое завоевание: нужно, чтобы всем горским племенам было гораздо лучше при русском управлении, нежели было при Шамиле. Из фактов, которые мы припомним из истории Кавказа, очевидно, что не случайное появление личностей, подобных Шамилю, и даже не строгое учение мюридизма было причиною восстаний горцев против русских. Коренною причиною была ненависть к русскому господству».

Однако последняя фраза в смысловом отношении недостаточна. Приятие горцами русского владычества означало бы крушение того миропорядка, который горцы считали единственно возможным. (И, несмотря на без малого полтора столетия существования в контексте российской государственности, адаптации к этой государственности и системе ценностей так и не произошло. Кавказ оказался уникально консервативным психологически.)

Рационалист Добролюбов, конечно же, упрощает ситуацию, возлагая все надежды на умное администрирование:

«Когда русское управление сделает то, что для горцев не будет привлекательною перемена его на какое-нибудь другое, – тогда только спокойствие на Кавказе и связь его с Россией будут вполне обеспечены».

Добролюбов игнорировал как родовые особенности русской администрации, которая за все полтора века и не выработала форм, приемлемых для городского сознания, так и вышеупомянутую консервативность этого сознания.

²⁶ Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений. Т. 5. М.—Л., 1962. С. 449.

Но в данном случае важны два момента. Во-первых, если такой непримиримый оппозиционер по отношению к самодержавному государству, как Добролюбов, признавал законность и неизбежность завоевания Кавказа, это значит, что в общественном сознании сам по себе факт завоевания сомнений не вызывал. И во-вторых, его вера в принципиальную возможность окончательного и тотального замирения горских племен.

И Пестель, и Лунин, и Розен, – не говоря уже о Зубове, – и штатский Добролюбов понимают все технологические трудности покорения Кавказа, но в принципе они оптимисты. Они – в отличие от Пушкина – верят, что тем или иным способом на Кавказе можно достичь желаемого результата. Пестель верит в реальность фактического геноцида горских племен, Лунин – в военную победу и разумную организацию управления замиренными территориями на основе либеральных идей, Розен не сомневается в действенности экономико-психологических методов, Зубов уверен в непобедимости российского оружия. Добролюбов, безусловно выражавший мнение демократического круга «Современника», уповает на просвещенную администрацию и на возможность «внушить диким племенам истинные начала образованности и гражданского быта».

Каждый из них подписался бы под конечным выводом Розена:

«Потомство соберет плоды с земли, орошенной кровью храбрых, и с лихвою возвратит себе несметные суммы, издержанные предками на это завоевание»²⁷.

Недостаточность, психологическая неубедительность цивилизаторской и экономической оправдательных доктрин стали очевидно ясны в период фатальных неудач русской армии на Кавказе.

В середине сороковых годов, скорее всего после катастрофической Даргинской экспедиции 1845 года, ветеран Кавказской войны адмирал Серебряков писал:

«Силою самих обстоятельств мы увлечены за Кавказ; мы покоряем Дербент, Баку, Ганжу и спасаем Грузию, поработленную игу изуверов, а с этим вместе последнее, слабое христианство в Азии, доблестно боровшееся несколько веков с могуществом мусульманским»²⁸.

«Сила обстоятельств» здесь – это именно необходимость защитить Грузию, ставшую частью империи. И мотив спасения христианства далеко не случайно снова всплывает как определяющий. За четыре десятилетия выработать действенную идеологию этой изнурительной войны, кроме той, с которой все начиналось, – не удалось.

Следующая после Лунина подлинно историософская попытка осмыслить суть и значение Кавказской войны как проблемы, имеющей прямое касательство к будущей судьбе России, как роковой вопрос, а не просто кровавую попытку прирастить к огромному пространству империи еще один небольшой кусок территории, сделана была только по фактическом окончании войны.

В 1860 году Ростислав Фадеев, чье участие в Кавказской войне имело целью получить из первых рук материал для теоретических построений, выпустил книгу «Шестьдесят лет Кавказской войны». Мы уже к ней обращались. Во вступлении Фадеев писал:

²⁷ А. Е. Розен. Записки... С. 391.

²⁸ См. «Звезда». 1996. № 12. С. 91.

«Наше общество в массе не сознавало даже цели, для которой государство так настойчиво, с такими жертвованиями добивалось покорения гор»²⁹.

Это очень значимый пассаж. Через шестьдесят лет после официального начала войны – а на самом деле этот срок куда длиннее! – впервые публично ставится вопрос об истинной, а не формально-официозной цели этого колоссального государственного усилия. И далее Фадеев излагает соображения, восходящие в известной степени к лунинскому тезису об «органической идее» продвижения на юг, а кроме того, предвосхищающие известную нам мысль Покровского о неколониационном смысле завоевания Кавказа.

«Страны, составляющие Кавказское наместничество, богатые природою, поставленные в удивительном географическом положении для высокого развития в будущем, все-таки, с чисто экономической точки зрения, независимо от других соображений, не могли вознаградить понесенных для обладания ими жертв. На Кавказе решался вопрос не экономический, или, даже если отчасти экономический, то не заключенный в пределах этой страны. Понятно, что для большинства общества этот вопрос, необъяснимый прямой перспективой дела, оставался темным»³⁰.

Когда Фадеев утверждал, что «на Кавказе решался вопрос не экономический», то есть дохода Россия ожидать не могла, то он понимал, что говорил, ибо прекрасно знал финансовую сторону войны и управления покоренными территориями и позже составлял официальные записки для наместника с подробной росписью расходов.

Уже в наше время в самой фундаментальной работе на интересующую нас тему сказано совершенно категорически:

«В отличие от Закавказья и Предкавказья, Большой Кавказ не представлял для России особого экономического интереса»³¹.

Этот мотив экономической ущербности, убыточности приобретенных территорий имел долгую традицию. Еще в 1791 году упоминавшийся генерал Гудович, командовавший Кавказской линией, писал императрице Екатерине о землях по Тереку:

«А дабы край сей стоящий уже больших сумм казне Вашего Императорского Величества приготавлился впредь к пользе государственной и к поданию доходов, а стража границ около оногo не оберегала пустых земель и лесов, дерзаю представить всеподданнейшее мое мнение, чтобы перевести в удобные и выгодные места в сей край по меньшей мере десять тысяч душ государственных крестьян малоземельных изнутри России»³².

²⁹ Р. А. Фадеев. Шестьдесят лет Кавказской войны. С. 2.

³⁰ Там же.

³¹ М. Блиев, М. Дегоев. Кавказская война. М., 1993. С. 149.

³² Кавказский сборник. Т. XVIII. С. 460.

Это, кстати, к вопросу об органичности колонизации... Земли Предкавказья заселялись, но с доходами дело было плохо.

В одной из записок, касающейся способов сокращения расходов на управление Грузией и Кавказом, Фадеев, в частности, писал:

«Грузия не может расшириться, а потому нечего опасаться новых растрат с этой стороны. Совсем другое дело – мусульманские области. Они могут раздвинуться еще очень далеко, но уже в настоящем виде поглощают на свое искусственное управление много государственных средств совершенно бесплодно»³³.

Ключевые же слова в ранее цитированном тексте: «необъяснимый прямой перспективой дела». Уже в тридцатые годы, когда турецкая и персидская угрозы были сняты двумя победоносными войнами, когда ограниченную задачу обеспечения коммуникаций с Закавказьем можно было решить, не завоевывая всю Чечню и весь Дагестан, когда у Кавказского корпуса хватало сил и средств, чтобы обеспечить относительную безопасность русских поселений на линиях от набегов, гигантские жертвы людьми и деньгами для полной победы над Шамилем, с точки зрения прагматической, казались отнюдь не оправданными. Была некая психологическая данность – Кавказ должен быть покорен и войти как обычная административная единица в состав империи. Но почему?

26 сентября 1846 года у Николая I состоялся знаменательный разговор с доверенным человеком нового кавказского наместника М. С. Воронцова. Год назад русские войска были фактически разгромлены Шамилем во время кровавой Даргинской экспедиции. Ситуация на Кавказе была кризисной. Но император заявил:

«Слушай меня и помни хорошо то, что я буду говорить. Не судите о Кавказском крае как об отдельном царстве. Я желаю и должен стараться сливать его всеми возможными мерами с Россиею, чтобы все составляло одно целое»³⁴.

Это был ответ Воронцову, пытавшемуся дополнить военные усилия новой экономической политикой, предоставлявшей Кавказу и Закавказью право свободной торговли. Но идея, четко сформулированная императором, имела значение куда более широкое. Речь шла о полной интеграции Кавказа в состав империи – без оговорок и послаблений. Безо всякого учета его резких особенностей. Эта идея могла быть полностью реализована только методами полковника Пестеля, предложенными в «Русской правде». А коль скоро империя не решалась прибегнуть к этим методам в полном объеме, а мысль об автономности существования Кавказа, даже в случае его лояльности, была для Николая крамолой, то благополучного решения проблемы не было вообще. Это был один из страшных исторических тупиков, подобный, например, курдской трагедии...

Фадеев попытался показать многослойную основу этого явления.

«Покорение восточных гор обрадовало Россию в ее патриотизме, как победа над упорным врагом, независимо от громадного значения этого

³³ Р. А. Фадеев. Собрание сочинений. Т. 1, ч. 2. С. 147.

³⁴ Архив князя Воронцова. Т. 38. М., 1892. С. 387.

события, гораздо яснее понимаемого до сих пор за границей, чем у нас. Утверждение бесспорного русского владычества на Кавказском перешейке включает в себе столько последствий необходимых или возможных, прямых и косвенных, что покуда невозможно объять их разом; они будут еще выказываться одно за другим, такую длинную цепью, что разве следующее поколение будет знать весь объем событий 1859 года»³⁵.

Фактическую сторону войны – «объем событий» – следующее поколение, люди восьмидесятых-девяностых годов, действительно узнали достаточно подробно. Но Фадеева главным образом волнует не это. Он тут же наспех пытается выстроить историческую логику процесса, приведшего к войне до победного конца, пытается поймать ведущую идею.

«Начало Кавказской войны совпадает с первым годом текущего столетия, когда Россия приняла под свою власть Грузинское царство. Это событие определило новые отношения государства к полудиким племенам Кавказа; из заграничных и чуждых нам они сделались внутренними, и Россия необходимо должна была подчинить их своей власти»³⁶.

То есть выдвигаются знакомые нам тезисы – по Зубову: спасение Грузии, по Пестелю: невозможность иметь внутри государства территорию, живущую по собственным «полудиким» законам. Но Фадеев идет дальше и смотрит глубже.

«Кавказ потребовал больших жертв; но чего бы он ни стоил, ни один русский не имеет права на это жаловаться, потому что занятие Закавказских областей не было ни случайным, ни произвольным событием в русской истории. Оно подготовлялось веками, было вызвано великими государственными потребностями и исполнилось само собой»³⁷.

Это «само собой» – как аналог «силы вещей» у Пушкина, – утверждение исторической неизбежности и органичности происшедшего.

Тут вспоминается тезис Лунина о важном значении завоевания Кавказа для будущих судеб России и глубокая фраза адмирала Серебрякова, «коренного» кавказца: «Силою самих обстоятельств мы увлечены за Кавказ». Фадеев, естественно, не читал ни того, ни другого, и эти смысловые совпадения знаменательны.

«Еще в шестнадцатом столетии, когда русский народ уединенно вырастал на берегах Оки и Волхова, отделенный от Кавказа дикою пустыней, священные обязанности и великие надежды приковали к этому краю внимание первых Царей».

Далее эти тезисы расшифровываются: священные обязанности – это опять-таки помощь единоверцам-грузинам, великие надежды – «доступ к золотым странам востока». Но если бы Фадеев ограничился повторением в более выразительной, быть может, форме того, что уже

³⁵ Р. А. Фадеев. Шестьдесят лет... С. 2.

³⁶ Там же. С. 3.

³⁷ Там же. С. 4.

неоднократно говорилось до него, то не стоило бы к нему обращаться. Однако генеральная идея Фадеева иная. Речь идет о том, что при явном ослаблении Турции и Персии спор за их наследство

«станет спором европейским и будет обращен против нас, потому что все вопросы о западном влиянии или господстве в Азии не терпят раздела; соперник там смертелен для европейского могущества. Чье бы влияние или господство ни простиралось на эти страны (между которыми были земли без хозяина, как, например, весь Кавказский перешеек), оно стало бы во враждебные отношения к нам... Если бы горизонт России замыкался к югу снежными вершинами Кавказского хребта, весь западный материк Азии находился бы совершенно вне нашего влияния и при нынешнем бессилии Турции и Персии не долго дожидался бы хозяина и хозяев. Южные русские области упирались бы не в свободные воды, но в бассейны и земли, подчиненные враждебному влиянию. Если этого не случилось и не случится, то потому только, что русское войско, стоящее на Кавказском перешейке, может охватить южные берега этих морей, протянувши руки в обе стороны»³⁸.

Это, как видим, сложно модифицированная лунинская идея о прямой взаимосвязи успехов России на юге с отношением к России западных держав. Но идеологический вектор принципиально иной – вместо нейтрального лунинского Запада, культурно родственного, и только не желающего, чтобы Россия расширялась за его счет, здесь мы имеем дело с геополитической установкой, трактующей Запад как неизбежного противника, который стремится окружить Россию и который и есть главный противник на юге. И это новый поворот сюжета: зашедшая с тыла Европа. Хотя и не единственный.

Фадеев считает, что продвижение к Кавказу началось тогда, когда «домашняя борьба с мусульманством, давившим Россию со всех сторон, была решена». Но в середине XIX века Кавказ, по Фадееву, оказывается форпостом, передовым рубежом возможного столкновения с воинствующим исламом.

«Мусульманство прокатилось по земле огненным потоком и теперь еще производит страшные пожары в местах, куда оно проникает внове, чему примером служит Кавказ... Для России Кавказский перешеек вместе и мост, переброшенный с русского берега в сердце азиатского материка, и стена, которою заставлена Средняя Азия от враждебного влияния, и передовое укрепление, защищающее оба моря: Черное и Каспийское. Занятие этого края было первою государственною необходимостью. Но покуда Русское племя доросло до подошвы Кавказа, все изменилось в горах. Выбитый из европейской России, исламизм работал неугомонно три века, чтобы укрепить за собой естественную ограду Азии и мусульманского мира – Кавказский хребет, – и достиг цели... Вместо прежних христианских племен мы встретили в горах самое неистовое воплощение мусульманского фанатизма. Шестьдесят лет длился штурм этой гигантской крепости: вся энергия старинного мусульманства, давно покинувшая расслабленный азиатский мир, сосредоточилась на его пределе, в Кавказских горах. Борьба была неистовая, жертвования страшные. Россия не отставала и преодолела, зная, что

³⁸ Там же. С. 8—9.

великим народам, на пути к назначенной им цели, полагаются и препятствия в меру их силы»³⁹.

Кавказ, таким образом, оказывается плацдармом, на котором Россия превентивно ограждает себя от экспансии Запада и в то же время ликвидирует опаснейший очаг воинствующего исламизма, чреватого пожарами внутри империи. А кроме того, что весьма существенно, доказывает превосходство христианского духа над мусульманским фанатизмом. И еще – как во времена монгольского нашествия – Россия сковала энергию нового исламизма.

В том или ином виде эти идеи встречались не только у Фадеева, – он их сконцентрировал и ясно оформил; но только он обратил внимание на одно из важнейших следствий Кавказской войны:

«Когда-нибудь Россия прочтет полную историю кавказской войны, составляющей один из великих и занимательнейших эпизодов нашей истории, не только по важности вопросов, решенных русским оружием в этом отдаленном углу империи, но по чрезвычайному напряжению человеческого духа, которым борьба ознаменовалась с обеих сторон...; по особой нравственной физиономии, если можно сказать, запечатлевшей сотни тысяч русских, передвинутых на Кавказ».

Последняя фраза важна необычайно. Фадеев первый громко заявил, что такое событие, как Кавказская война, не может пройти бесследно для самого духа народа и государства, что оно должно войти не только в процесс государственного строительства, но и в процесс формирования мировоззрения общества – всех его слоев. То есть он поставил вопрос о той роли, которую кавказская драма сыграла в общественном сознании России и фундаментальном психологическом устройстве русского человека. В первую очередь – прикосновенного к этой драме.

Дело в том, что деяния такого масштаба не совершаются без мощной психологической потребности той части общества, которая ответственна за решения. У русского дворянства, с одной стороны, и русского самодержавия – с другой, должна была быть неодолимая потребность в подобной войне для того, чтобы она началась и столько лет длилась. И дворянство, и правительство, а быть может, и солдаты в этой войне решали некие психологические, а возможно, и духовные задачи. Вот это прежде всего и подлежит изучению.

Увы, глубинная проблематика целого пласта русской жизни, обозначенного словосочетанием «Россия в Кавказской войне», не была с должным тщанием изучена лучшими умами прошлого века, великими аналитиками русского бытия, современниками, а иногда и активными участниками роковых событий. Достоевский вообще игнорировал Кавказскую войну в своей публицистике. Толстой, получивший офицерский чин «за отличие в делах против горцев», мало интересовался общим смыслом происходящего и рассматривал поведение людей в предлагаемых обстоятельствах. Гениальный «Хаджи-Мурат» – философская притча, приложимая к человеческой жизни вообще. Общегуманистическая рефлексия Лермонтова не мешала ему ревностно выполнять свои обязанности боевого офицера, и, быть может, слишком близкое знакомство с кровавой фактурой событий заслонило от него общий смысл происходящего. Точный и горький анализ Пушкина не получил развития и остался эпизодом в его историософской работе.

³⁹ Там же. С. 12—15.

Свидетельство тому, что проблема эта необыкновенно сложна и запутанна, что ответить на вопросы: какова же была органичная ведущая идея, лежавшая в основе действий России в течение тяжелой шестидесятилетней (в минимальном исчислении!) войны, и была ли эта идея вообще, как повлияла эта война на самосознание русского человека, насколько определило торжество бульдожьего имперского упрямства дальнейшее движение государства, – свидетельство тому, что ответить на эти вопросы невозможно без углубленного изучения и неимперского подхода – полутора столетнее отсутствие ответов.

Такой незаурядный мыслитель, как уже цитированный Данилевский, подводя итоги своим кавказским размышлениям, писал:

«После раздела Польши (принципиальная параллель! – Я. Г.) едва ли какое другое действие России возбуждало в Европе такое всеобщее негодование и сожаление, как война с кавказскими горцами и, особливо, недавно совершившееся покорение Кавказа. Сколько ни стараются наши публицисты выставить это дело как великую победу, одержанную общечеловеческой цивилизацией, – ничто не помогает. Не любит Европа, чтобы Россия бралась за это дело. Ну, на Сыр-Дарье, в Коканде, в Самарканде, у дико-каменных киргизов – еще куда ни шло, можно с грехом пополам допустить такое цивилизаторство, – все же вроде шпанской мушки оттягивает, хотя, к сожалению, и в недостаточном количестве, силы России; а то у нас под боком, на Кавказе; мы бы и сами здесь поцивилизовали. Что кавказские горцы и по своей фанатической религии, и по образу жизни, и по привычкам, и по самому свойству обитаемой ими страны, – природные хищники и грабители, никогда не оставлявшие и не могущие оставлять своих соседей в покое, все это не принимается в расчет. Рыцари без страха и упрека, паладины свободы да и только! В Шотландских горах, с небольшим лет сто тому назад, жило несколько десятков, а может, и сотен тысяч таких рыцарей свободы; хотя те были христиане, и пообразованнее, и посмирнее, – да и горы, в которых они жили, не Кавказским чета, – но однако же Англия нашла, что нельзя терпеть их гайлендерских привычек, и при удобном случае разогнала их на все четыре стороны. А Россия под страхом клейма гонительницы и угнетательницы свободы терпи с лишком миллион таких рыцарей, засевших в неисследимых тущах Кавказа, препятствующих на целые сотни верст кругом всякой мирной оседлости; и, в ожидании, пока они не присоединятся к первым врагам, которым вздумается напасть на нее с этой стороны, – держи, не предвидя конца, двухсоттысячную армию под ружьем, чтобы сторожить все входы и выходы из этих разбойничьих вертепов»⁴⁰.

Здесь, как видим, Данилевский собрал все ранее существовавшие основные резоны покорения Кавказа, не прибавив ничего, кроме обличения коварства Запада. Хотя об этом в несколько ином аспекте говорил уже Фадеев.

После Данилевского, в семидесятых-восемидесятых годах началась энергичная фактологическая разработка истории Кавказской войны, публикация бесчисленных и драгоценных для историков свидетельств и документов, но концептуальное осмысление дела было отодвинуто в неопределенное будущее...

⁴⁰ Н. Я. Данилевский. Россия и Европа. С. 37.

ПРОЛОГ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

*Кажется, что самое начало было неправильное.
Декабрист А. Розен, свидетель Кавказской войны. 1850-е гг.*

I

Первые походы регулярных русских войск в Дагестан – казачьи набеги учитывать невозможно, да и это явление иного порядка, – относятся еще к XVI—XVII векам. В 1594 году состоялся поход воеводы Хворостинина. Поход этот – поразительная модель многих экспедиций в глубь Кавказа уже в XIX веке. Это прямая параллель знаменитому Даргинскому походу Воронцова в 1845 году. Успешное наступление, прорыв к заданной цели – у Хворостинина это столица одного из крупнейших дагестанских владетелей – шамхала Тарковского, Тарки, у Воронцова это – резиденция Шамиля Дарго. Затем, после удачного штурма и овладения крепостью, – полный тупик. Невозможность сколько-нибудь долго удерживать захваченное при катастрофически растянутых и необеспеченных коммуникациях, нехватка продовольствия, болезни, блокада со стороны противника. Затем – как единственный выход – отступление. И тут-то приходит настоящая беда. Хворостинин потерял при отступлении три четверти своего отряда, Воронцов около половины. Все, завоеванное с такими жертвами, – утрачено.

Повод похода Хворостинина – союз с Грузией. Царь Федор Иоаннович титуловал себя «государем земли Иверской, грузинских царей и Кабардинской земли, черкесских и горских князей». Это была, разумеется, чисто символическая формула, но тенденцию она обозначала.

Характер государственного сознания того времени – и не только в России – подразумевал расширение территории как безусловное благо.

Следующий поход в Дагестан – на Тарки – состоялся в 1604 году, при Годунове. Сценарий был трагически схож. Московских воевод – Бутурлина и Плещеева – удивительным образом ничему не научил опыт Хворостинина, прекрасно им известный. Они взяли штурмом Тарки, отстроили крепостные сооружения, затем ввиду бескормицы часть войска ушла в Астрахань, а часть оказалась осажденной многократно превосходящим противником. Переговоры, отступление на почетных условиях, нарушение шамхалом договора и героическая гибель всего отряда вместе с воеводами... Схожая модель реализовалась во время Прутского похода Петра. И неоднократно во время Кавказской войны XIX века.

Совершенно непонятно, как московские воеводы собирались закрепиться в глубине враждебной территории, где против них было все: население, климат, отсутствие надежных коммуникаций для снабжения. Это был набег, разыгранный не по правилам набега.

Набег – вполне осмысленная и целесообразная форма ведения боевых действий – предполагал стремительный прорыв к цели, решение конкретной задачи: захват добычи, уничтожение укреплений и живой силы противника, деморализация противника, – и столь же стремительное отступление. С самого начала русские войска на Кавказе не сумели выработать рациональной тактики, соответствующей характеру театра военных действий.

Старому опытнейшему воеводе Ивану Михайловичу Бутурлину, воевавшему – и успешно – с крымскими татарами, литовцами, шведами, можно было бы задать вопросы, которые через два с половиной века были заданы одним из участников катастрофического Даргинского похода другому старому и опытному генералу графу Михаилу Семеновичу Воронцову:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.